

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.847.5

Ольга Павловна АЛЕКСАНДРОВА,
доцент кафедры правового и организационного обеспечения судопроизводства юридического факультета Псковского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
pavlovna.76@mail.ru

Людмила Юрьевна БУДАНОВА,
преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России
milabudanovapskov@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА, БЕЛОРУССИИ, УЗБЕКИСТАНА)

THE COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PECULIARITIES OF IMPOSITION AND APPLICATION OF HOUSE ARREST AS A PREVENTIVE MEASURE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND SOME FOREIGN COUNTRIES (BY THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN, BELARUS, UZBEKISTAN)

В статье рассматриваются отдельные вопросы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста в России, а также опыт зарубежных стран, где домашний арест аналогично России применяется в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве (Казахстан, Белоруссия, Узбекистан).

The article considers certain issues of imposition and application of a preventive measure in the form of house arrest in Russia, as well as the experience of foreign countries, where house arrest, like in Russia, is used as a preventive measure in criminal proceedings (Kazakhstan, Belarus, Uzbekistan).

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, органы и учреждения, на которые возложено исполнение постановления (определения) о применении меры пресечения в виде домашнего ареста.

Keywords: preventive measure, house arrest, authorities and institutions entrusted with the execution of the decision (order) on the application of a preventive measure in the form of house arrest.

Применение мер государственного принуждения, к числу которых относится и домашний арест, всегда сопряжено с ограничениями конституционных прав, свобод и законных интересов личности, а потому занимает одно из центральных мест в области правового регулирования.

Домашний арест в Российской Федерации, как и во многих других странах, в системе мер уголовно-процессуального принуждения по строгости ограничения прав и свобод человека занимает второе место, уступая лишь заключению под стражу, чем обусловлено пристальное внимание мировой науки и практики к вопросам его применения.

В России после внесения в 2011 году изменений в правовое регулирование домашнего ареста ситуация с его применением как альтернативной заключению под стражу меры пресечения несколько улучшилась, однако по-прежнему заключение под стражу значительно преобладает. Например, в 2008 г. федеральными судами общей юрисдикции первой инстанции были удовлетворены 207456 ходатайств об избрании заключения под стражу и только 101 ходатайство о домашнем аресте (в 2054 раза меньше), в 2010 г. – 148689 ходатайств о заключении под стражу и 668 ходатайств о домашнем аресте (в 223 раза меньше), в 2014 г. – 133755 ходатайств о заключении под стражу и 3333 ходатайств о домашнем аресте (в 40 раз меньше), в 2015 г. – 140457 ходатайств о заключении под стражу и 4676 – ходатайств о домашнем аресте (в 30 раз меньше). [5]

В целях повышения эффективности применения домашнего ареста в Российской Федерации, совершенствования его правового регулирования целесообразно обратиться к опыту зарубежных стран в сфере применения указанной меры принуждения (Республика Казахстан, Республика Беларусь и Республика Узбекистан), который характеризуется своими особенностями с учетом уровня развития рассматриваемого института.

Так, домашний арест как мера пресечения в Республике Беларусь впервые

была закреплена в 1999 г. Регулированию домашнего ареста посвящены ст. 125-127 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) (URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958).

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан домашний арест как мера пресечения закреплена в 1997 г. (URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008442). Сегодня домашнему аресту посвящена ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК) (URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#sub_id=6740000).

В Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (УПК РУ) (URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101) домашний арест в систему мер пресечения был включен сравнительно недавно – в 2014 г. [4, с. 44-47]

Анализ опыта зарубежных стран, где домашний арест применяется в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве, позволил выявить положительные черты, которые могли бы быть восприняты национальным законодательством.

1. В соответствии с законодательством Республики Казахстан надзор за лицом, находящимся под домашним арестом, осуществляет орган, ведущий уголовный процесс.

Так, на основании ч. 5 ст. 146 УПК РК порядок исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста определяется совместным приказом государственных органов, уполномоченных осуществлять досудебное расследование. Также совместным приказом (URL: <http://adilet.zan.kz/rus/origins/V14C0009741>) утверждены Правила исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (далее – Правила), согласно которым осуществление надзора за исполнением домашнего ареста возлагается на органы Министерства внутренних дел, прокуратуры, Комитета национальной безопасности, Министерства финансов и Агентства по делам государственной службы и противодействию коррупции в соответствии с правилами подследственности досудебного расследования уголовных дел (п. 8 Правил).

В УПК РБ в качестве органа, на который возложено исполнение постановления (определения) о применении меры пресечения в виде домашнего ареста, закреплен орган дознания (ч. 6 ст. 119). Фактически исполнение домашнего ареста в Республике Беларусь возложено на такой орган дознания, как органы внутренних дел.

По мнению ряда авторов, отсутствие в УПК РБ четкого указания на конкретный орган дознания, в обязанность которого вменяется исполнение постановления (определения) о применении меры пресечения в виде домашнего ареста, а также неурегулированность самого механизма осуществления контроля за лицами, находящимися под домашним арестом, отрицательным образом сказывается на практике применения указанной меры. [1; 2, с. 107-122] Так, по данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, за последние 7 лет в целом сформировалась тенденция, которая характеризуется сокращением применения домашнего ареста, так как эта мера является высокочрезмерной и трудновыполнимой, поскольку требует многочисленного кадрового обеспечения, которое органы дознания не всегда в состоянии предоставить. [1] Так, в случае полной изоляции от общества обвиняемого, подвергнутого домашнему аресту, выставляются круглосуточные посты милиции от 6 до 12 сотрудников. [1] Кроме того, в соответствии с постановлением МВД Республики Беларусь от 13 ноября 2007 г. № 294 "Об утверждении Инструкции по организации работы участкового инспектора милиции" последний наделен определенными полномочиями, которые могут осуществляться не только в отношении лиц, находящихся под превентивным надзором, но и в отношении обвиняемых, к которым применен домашний арест. При этом в ежедневный план работы, составляемый участковым инспектором милиции на месяц в рабочей тетради, могут вноситься посещения обвиняемых и другие формы осуществления надзора за ними. [1]

В России с введением в действие Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, изменившего редакцию ст. 107

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), регламентирующей вопросы избрания и применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве, были разрешены многочисленные споры о том, кто должен осуществлять контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений.

Такой контроль на основании ч. 10 ст. 107 УПК РФ осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

В соответствии с Положением о Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России), утвержденным Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314, таким органом является ФСИН России. Положением об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729, исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста возложено на уголовно-исполнительные инспекции (УИИ).

В соответствии с межведомственным приказом от 11 февраля 2016 г. МЮ России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСКН России № 56 контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений УИИ осуществляет во взаимодействии с органами предварительного расследования. Однако практика свидетельствует о низкой эффективности такого взаимодействия, и в первую очередь по причине отсутствия заинтересованности у органов предварительного расследования оказывать содействие сотрудникам УИИ в выполнении возложенных на них обязанностей в сфере применения домашнего ареста.

Представляется интересным опыт Республики Казахстан, где надзор за лицом, находящимся под домашним арестом, осуществляет орган, ведущий уголовный процесс, то есть тот субъект, который в максимальной степени заинтересован в эффективности применения меры пресечения.

2. По законодательству Республики Казахстан место содержания под домашним арестом определяется органом, ведущим уголовный процесс, который и осуществляет надзор за лицом, находящимся под домашним арестом (п. 4 Правил).

Допускается предоставление подозреваемому, обвиняемому жилища родственниками и иными лицами на время производства по уголовному делу, но при этом необходимо письменное согласие их, а также совместно проживающих с ними совершеннолетних лиц.

В случае заключения договора аренды жилища в период нахождения подозреваемого или обвиняемого под домашним арестом арендодатель должен быть обязательно предупрежден арендатором об основной цели аренды им жилья, при этом субаренда исключается.

При осуществлении надзора за соблюдением лицом, находящимся под домашним арестом, установленных ограничений, надзирающий орган вправе в любое время суток проверять его по месту жительства, в том числе и в ночное время, но не более одного раза.

В Республике Беларусь правовая регламентация механизма исполнения домашнего ареста отсутствует, что, как отмечается учеными, приводит к тому, что в ряде случаев такая мера контроля, как установление наблюдения за подозреваемым или обвиняемым или его жилищем, а также охрана его жилища или отведенного ему в жилище помещения, понимается и исполняется буквально, т.е. стража выставляется не возле жилища, а непосредственно в доме обвиняемого, к которому применяется домашний арест. [1] Таким образом, обвиняемый и проживающие с ним лица терпят определенные неудобства в связи с присутствием в жилище посторон-

них лиц. Мнение проживающих с обвиняемым лиц при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в Республике Беларусь, как и в России, вообще не учитывается, что является негативным моментом правовой действительности обоих государств.

Представляется, что обозначенные выше правила Республики Казахстан, касающиеся применения домашнего ареста, могут быть восприняты российским законодателем в целях повышения эффективности анализируемой меры пресечения и соблюдения прав и свобод лиц, предоставляющих жилище подозреваемому или обвиняемому.

3. Основания (цели) избрания меры пресечения по УПК РФ (ст. 97), УПК РК (ст. 136), УПК РУ (ст. 236) и УПК РБ (ст. 117) по внутреннему содержанию аналогичны. Однако их формулировки в УПК РФ, УПК РК и УПК РУ носят прогностический (вероятностный) характер: "достаточные основания полагать", что обвиняемый "может" скрыться, продолжить преступную деятельность, воспрепятствовать производству по делу. По УПК РБ основаниями применения домашнего ареста являются "собранные доказательства, на основе которых можно полагать", что возможно указанное выше нежелательное поведение обвиняемого.

В.В. Смирнов указывает: "Какой бы высокой ни была степень вероятности того или иного факта, его нельзя абсолютизировать. Даже самая высокая степень вероятности не может исключить возможность ошибок. К моменту принятия решения об избрании меры пресечения должна быть установлена совокупность обстоятельств, свидетельствующих о ненадлежащем поведении в процессе расследования. Если в основу решения об избрании меры пресечения будут положены достоверные фактические данные о ненадлежащем поведении обвиняемого, а не субъективное мнение о его вероятном поведении, то и само решение будет достоверным" [3, с. 11].

Мнение лица или органа, принимающего решение о применении меры пресече-

ния, должно основываться не на интуиции или предположениях, а на конкретных доказательствах, подтверждающих наличие оснований для избрания меры пресечения, полученных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, с соблюдением процессуальной формы их получения, закрепления, оценки и применения, поэтому представляется, что УПК РБ в формулировке оснований избрания меры пресечения является более прогрессивным, чем УПК РФ, УПК РК и УПК РУ.

4. Нормы УПК РК (ст. 146, 147) и УПК РУ (ст. 242, 242-1), посвященные домашнему аресту, содержат указания на вид и размер наказания за преступление, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается, как условие применения к нему указанной меры пресечения. Например, по УПК РК – это обвинение или подозрение в совершении преступления, за которое Уголовным кодексом РК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 5 лет; по УПК РУ – обвинение или подозрение в умышленном преступлении, за которое Уголовным кодексом РУ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 3 лет, или в неосторожном преступлении, за которые Уголовным кодексом РУ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет.

Нормы УПК РФ и УПК РБ, посвященные домашнему аресту, не содержат указания на вид и размер уголовного наказания за преступление, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается, как основание применения к нему указанной меры пресечения, хотя подобное основание предусмотрено для принятия решения о заключении под стражу. Кроме того, несмотря на то, что ч. 3 ст. 107 УПК РФ, определяющая порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, указывает, что он аналогичен порядку избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, и отсылает к ст. 108 УПК РФ, регламентирующей данный порядок, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении

от 19 декабря 2013 г. № 41 "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога" указал, что основания и условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены ч. 1 ст. 108 УПК РФ для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены ст. 107 УПК РФ.

С учетом того, что домашний арест является второй по строгости мерой пресечения после заключения под стражу, обозначенные выше условия его применения служат дополнительной гарантией защиты прав и свобод человека от произвольного применения меры пресечения.

Проведенный анализ опыта зарубежных стран в сфере применения домашнего ареста позволил выявить и положительные моменты в правовом регулировании данной меры пресечения в России и некоторых зарубежных странах.

1. Существенное различие между УПК РБ (ст. 119, 125, 126) с одной стороны и УПК РФ (ст. 107, 108), УПК РК (ст. 147, 148) и УПК РУ (ст. 242-1, 243) с другой стороны заключается в субъекте, принимающем решение об избрании (санкционировании избрания) меры пресечения в виде домашнего ареста и определяющем правоограничения. В России, Республике Узбекистан, Республике Казахстан домашний арест избирается только по судебному решению (решению следственного судьи), и только судебный орган может наложить на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана эта мера пресечения, запреты и (или) ограничения.

На наш взгляд, позицию законодателя Республики Беларусь относительно субъекта, избирающего, санкционирующего меру пресечения в виде домашнего ареста и определяющего правоограничения (прокурор, Председатель Следственного комитета, Председатель Комитета государственной безопасности), нельзя отнести к положительному явлению правовой действительности. Домашний арест, несмотря на

свою сравнительную "мягкость" по сравнению с заключением под стражу, все же существенно ограничивает конституционные права лица, в отношении которого он избран. В связи с этим такое ограничение должно производиться не иначе, как по решению суда.

2. В отличие от УПК РФ (ч. 7 ст. 107) в УПК РБ (ч. 2 ст. 125) и УПК РК (ч. 2 ст. 146) перечень устанавливаемых лицу, находящемуся под домашним арестом, запретов и (или) ограничений шире, не является исчерпывающим, и допускается возложение "других мер" обеспечения меры пресечения. Такая инициатива законодателя, на наш взгляд, носит достаточно спорный характер, так как домашний арест связан с существенным ограничением конституционных прав человека, поэтому перечень применяемых к лицу ограничений, как представляется, должен быть строго определен не только с целью единообразия правоприменения, но и с целью повышения контроля за соблюдением прав подозреваемого и обвиняемого при реализации названной меры пресечения.

3. На основании ч. 3 ст. 126 УПК РБ при решении вопроса о даче санкции или вынесении постановления о домашнем аресте прокурор или его заместитель, Председатель Следственного комитета РБ, Председатель Комитета государственной безопасности РБ или лица, исполняющие их обязанности, обязаны изучить все материалы, содержащие основания для применения домашнего ареста, и в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого – во всех случаях.

Иначе происходит в России, Республике Казахстан и Республике Узбекистан. Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста рассматривается единолично судьей (по УПК РК – следственным судьей) с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, в течение 8 часов (по УПК

РУ – 12 часов) с момента поступления материалов в суд. В судебном заседании вправе также участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, а также по УПК РФ и УПК РУ – руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки обвиняемого (ч. 4 ст. 108 УПК РФ, ч. 2 ст. 148 УПК РК, ст. 243 УПК РУ). В начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство (по УПК РК – только прокурор), обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица (ч. 6 ст. 108 УПК РФ, ч. 5 ст. 148 УПК РК, ст. 243 УПК РУ).

Таким образом, в Беларуси, в отличие от России, Казахстана и Узбекистана, где обвиняемый и подозреваемый участвуют в судебном заседании при решении вопроса об избрании домашнего ареста и о продлении его срока, мнение указанных участников не учитывается, что, как представляется, создает препятствие для реализации ими своих прав и законных интересов.

4. В России (ст. 109 УПК РФ), Беларуси (ст. 127 УПК РБ) максимальный срок применения домашнего ареста на досудебном производстве составляет 18 месяцев. В обозначенный срок включается время с момента избрания меры пресечения и до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд. По УПК РК (ст. 152) и УПК РУ (ст. 245) максимальный срок применения домашнего ареста составляет соответственно 18 и 12 месяцев, однако время ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела в указанный срок не засчитывается, что не корреспондируется с провозглашенным Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод принципом разумного срока.

Таким образом, исследование особенностей избрания и применения домашнего ареста в правовых системах России и некоторых зарубежных стран позволяет сделать вывод о том, что изучаемая мера не является нововведением и имеет положительный опыт практического применения. Однако, несмотря на то, что в России не прекращается процесс совершенствования вопросов избрания и применения домашнего ареста и в правовом регулировании данной меры пресечения имеются существенные достижения, некоторый положительный опыт зарубежных стран, как представляется, целесообразно использовать в национальном законодательстве в целях совершенствования института домашнего ареста, являющегося перспективной мерой, решающей ряд серьезных проблем, среди которых можно выделить не только переполнение следственных изоляторов и высокие финансовые затраты на содержание обвиняемых (подозреваемых) под стражей, но и вообще проблему гуманного отношения к человеку, что соответствует современным потребностям в цивилизованных странах. С учетом изложенного предлагаем внести в УПК РФ следующие изменения:

– указать, что контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений УИИ осуществляет во взаимодействии с органами предварительного расследования и органами дознания в соответствии с правилами подследственности расследования уголовных дел;

– предусмотреть при избрании домашнего ареста необходимость получения письменного согласия собственника жилища и (или) проживающих в нем лиц;

– в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, регламентирующей основания избрания мер пресечения, слова "при наличии достаточных оснований полагать" заменить словами "при наличии доказательств, на основе которых можно полагать";

– предусмотреть, что домашний арест может избираться в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Библиографический список

1. Волынчик, О.А. Домашний арест: проблемы правоприменительной практики / О.А. Волынчик // Огарев-online. – 2015. – № 9. – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/domashnijj-arest-problemy-pravoprimeritelnoj-praktiki>.
2. Дьяченко, А.П. Домашний арест как инструмент реализации уголовной политики (сравнительный анализ законодательного опыта России и зарубежных государств / А.П. Дьяченко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 3. – С. 107-122.
3. Колоколов, Н.А. Заключение обвиняемого под стражу: алгоритм производства / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2007. – № 5. – С. 11.
4. Мухаммадиев, А.А. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан / А.А. Мухаммадиев // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 4(17). – С. 44-47.
5. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции : официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.